

Байстрюки

Виктор Кузовков

16+

Виктор Кузовков

Байстрюки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кузовков В.

Байстрюки / В. Кузовков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03387-0

Сборник стихотворений и рассказов Виктора Кузовкова с иллюстрациями
Заслуженного художника РФ Бориса Кунина.

ISBN 978-5-532-03387-0

© Кузовков В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Стихи	5
Мой символизм	5
Дважды два	7
Христа ради	8
Стишок	9
Маресьев	10
Пусть...	11
Карточный домишко	12
До дыр...	13
Муза	14
Все там будем...	15
До конца	16
Сердце	17
Тихо на погосте	20
Клякса	21
Мы с тобой говорим о прошлом...	22
Утки	25
Змей	26
Могила неизвестного поэта	28
А знаешь...	29
Омут	30
Язык	31
Штормит	32
Обмылок	33
Орбиты	34
Не судьба	35
Золото слез	37
Осиновый кол	40
Ночь	42
День метельный	43
Душа наивного...	44
Проверка	45
Бисер	46
Свидетельство о смерти	47
Все реальнее	49
Можно всё	50
Пена	51
Имя на похоронке	52
Байстрюки	55
Проза	56
Зал ожидания (отрывок недописанной повести)	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Стихи

Мой символизм

Мой символизм не очень-то понятен
И внятен он бывает не всегда.
В нём множество холодных, белых пятен,
В нём скользкий лёд, в нём мутная вода...

В нём прячутся вопросы без ответов,
В нём сотни истин бьются в сети слов,
Холодный пот сошедших в ад поэтов
И перхоть с их отрубленных голов...

Но мне с ним жить, его из чашки чайной,
Не подсластив, прихлёбывать всю ночь...
Скрывать его, как след болезни тайной
И, – даст-то Бог, – однажды превозмочь...

Дважды два

Два сердца, две разлуки, две печали,
Два номера, две трубки телефонных,
Два взгляда, два букета на причале
И маятник часов
не заведённых...

Два человека, две судьбы, две встречи,
Два дня, как вздохи – первый и прощальный.
Две горечи, и две горы на плечи,
И омут суматохи привокзальной...

Два рая, и два яблока познания,
Две тишины, и два рукопожатья.
Две встречи, два заслуженных изгнания...
Благословенья... Слезы и проклятья...

Две тени, две заботы и две думки,
Два берега у бесконечной Леты...
Две сигареты... Может быть – две рюмки...
Два пораженья... Или – две победы?

Два сна – два бесконечных коридора –
Две двери, два замка и два порога...
Две фотографии – два яблока раздора.
Две пары ног... Две клятвы, два зарока...

Две горсти мелочи в тобой забытой сумке,
Два вырванных листа из двух блокнотов...
И вновь – две сигареты и две рюмки...
И две вороны... Словно ждут чего-то...

Христа ради

Однажды рухнет занавес словес
Одежды лжи падут к твоим ногам
И я, пройдя сквозь этот темный лес,
«Прощай» смогу промолвить по слогам.

Сложу в котомку старые тетради,
Уменья, устремленья, сердца зов
И буду жалко клянчить «Христа ради!»
У девушек не вечную любовь...

Уж лучше так, чем то, что было раньше,
Уж лучше мельтешение и тлен,
Чем мучиться в огне пустой надежды,
На сердца жар полученной взамен...

СТИШОК

Ты хотела простой стишок,
отраженье моих страстей -
вот стишок из моих кишок,
вот стишок из моих костей.

Получи его, распишись,
заучи его наизусть,
там есть гордое слово "жизнь"
и сопливое слово "грусть",

там есть чистый лесной ручей,
что твоё освежит лицо.
Есть талант, неизвестно чей,
и моё, увы, дерьмецо...

Есть пустых вереница дней
и бессонных ночей не счесть,
переправы меж двух огней
моя плеть и моя же лесь.

В общем, как-то всё наизлом,
как-то пиково без туза -
всё под гору, и как назло
напрочь сорваны тормоза.

Опрокинул на посошок,
да не выдержал скоростей...
И тебе из кишок стишок
из сукровицы и костей.

Маресьев

Маресьев, блин... Некстати обезножев
Ползу сквозь снег вселенских перемен,
И думаю порою – Святой Боже! –
Маресьев, шут Пьеро и Гуимплен
В одном флаконе, на одной кровати,
В одном стакане и в одной судьбе...
И тлею на последнем киловатте,
Судьбе и Року рожу скорчив – «бе-е-е-е-е!»
Ползу, шутю, отстреливаясь словно,
Хотя итог и знаю наперёд...
Лишь сыплется горошинами слово
Через судьбою порванный мне рот...

Пусть...

Пусть много меньше чести
Чем ссадин и тумачков
Меньше красивых женщин
Меньше друзей, чем врагов

Меньше зубов, нестертых
Скрежетом до корней
А шрамов вокруг аорты
Меньше, чем прямо на ней

Меньше в кармане денег
Чем в том же кармане – дыр
Меньше открытых Америк
Меньше огромный мир...

Меньше случайных связей
И связных все меньше слов...
А к шагу из грязи в мрази
По-прежнему не готов...

Карточный домишко

Хоть лебези, хоть свирепей,
Хоть порыдай в платочек
А жизнь вцепилась, как репей
И отпускать не хочет...

Неразличимы вдалеке
Закрытых судеб книжки
А мы все строим на песке
Свой карточный домишко...

До дыр...

Сжаты одиночеством виски
Изменить нельзя не изменить...
На твои колючие соски
Хочется мне сердце насадить

И пускай мне скажут – мазохист!
Ты б ещё на кактус, дурень, лег! -
Ты – мой белоснежный, чистый лист.
Ты – мой не потухший уголек.

Это значит – ты меня до дыр...
Или даже – ты меня дотла...
Все старо, как наш ненормальный мир –
Лист сгорит, развеется зола...

Лишь бы только не порвалась нить
Та, что удержать не привелось
Изменить нельзя не изменить
И что-то в той груди оборвалось...

Муза

Опять просил прощения у Музы.
Она простила, заходила в гости
И бриллиантов солнечные друзья
Бросала мне, как я собаке – кости.

И я ловил, хватал их налету,
И ждал, когда она мне тихо скажет:
«Ты не скучай, я скоро вновь найду»
И с губ помаду мне на лбу размажет...

Все там будем...

За то, что доказал я сам себе
Никчемность, неуместность, пустоту
Попыток жить наперекор судьбе
Но обходить препоны за версту

Я благодарен Року, Богу, людям
Хорошим книгам, шахматам, журналам
Но не тому, кто скажет «все там будем»
И призовет довольствоваться малым...

До конца

Скрывался, оставаясь на виду,
Скользил по маслом политому льду,
Бил головой о стену тишины
И мира ждал, не начавши войны...

Пытался встать – хотя бы на колени...
Пытался стать не худшим из творений
Непонятого смертными Творца
И, раз шагнув, добраться до конца...

Сердце

Сердце, оно – ей-ей! -
– когда уже запер клеть,
когда уже тигр в ней -
– тогда начинает болеть.

Тогда начинает биться
кричать и метаться в груди,
когда уже все случится,
когда уже все – позади...

Тихо на погосте

Тихо на погосте...
Время греет кости
На унылых плитах
Вечных адресов

Да скрипят устало
Старые ворота –
Клацает железно
Сломанный засов...

В мареве июльском
Голубь стонет где-то,
Памятники строим,
Словно на парад...

А в траве примятой
Остывает ветер
Налету пронзённый
Пиками оград...

Клякса

Ты думаешь, все возвратится?
Ты веришь, что всё обойдётся?
Но, Бог мой, к чему возвращаться,
Когда уже занята паперть?

Когда уже высохли слёзы
И птицы за море умчались,
Воспев филигранным верлибром
Удел без надежды влюблённых...

Осталось, уста запечатав,
Себя понадёжней стреножить
И занять хоть чем-нибудь руки,
Желательно – ценным и хрупким...

Я всё понимаю, но всё же...
Поверь, мне мучительно слышать,
Как скачут троянские кони
Моих затаенных желаний...

Печаль благородней, чем скука...
Печать филигранней, чем клякса...
Но жизнь – очень странная штука
Где кляксы прекрасней печатей...

Мы с тобой говорим о прошлом...

Мы с тобой говорим о прошлом,
Потому что холодный вечер
Запер нас в твоём тёплом доме
Синим воском в замок накапав...

Темнота завалила окна
Рваным льном своих сальных складок
И только ветер, небритый путник,
Тихо трётся щекой о крышу...

Я любил тебя... Странно, правда,
Что теперь, вспомнив смех твой колкий,
Мне не больно сказать об этом
Уколов тебя
неподдельным...

Изумленьем. Вино в бокале
Разгорелось вином бенгальским...
Вдруг увидел – твои ресницы
Аплодируют мне невольно...

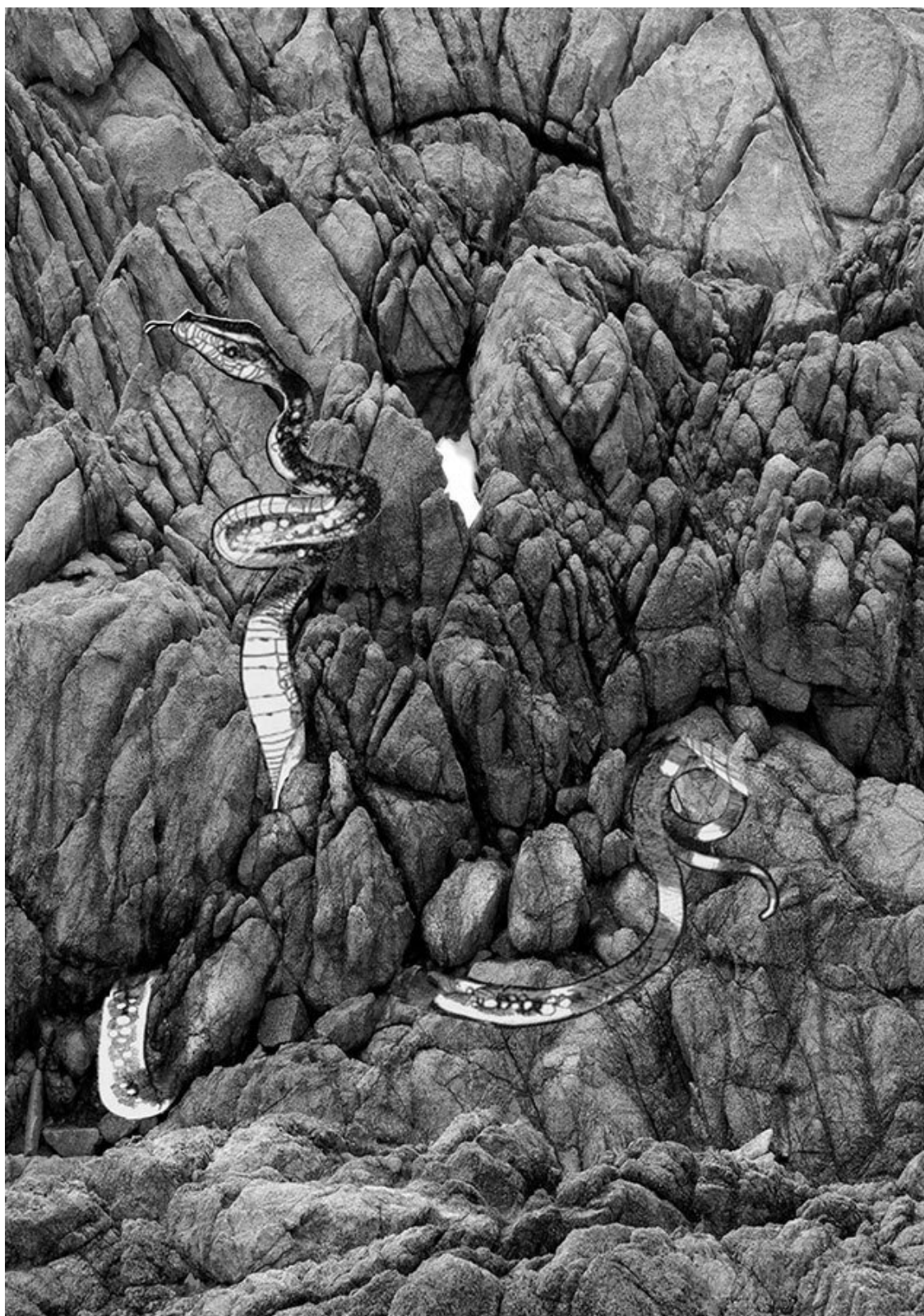
И глаза заблестели влажно,
И улыбка на миг погасла...
Ну, зачем ты тогда смеялась?
Я любил тебя... Было больно...

Утки

Недели летят, словно серые утки
Куда и зачем? Кто бы мне объяснил...
А нам остаются лишь перья-минутки
Упавшие вниз с их натруженных крыл...
Скелеты в шкафу
В моем шкафу скелеты не пылятся -
В моем шкафу пылится пустота
И при нужде костяшками побряцать –
Моя недостижимая мечта...

Змей

Я змей, застрявший меж камней.
Сдавило каменное ложе!
Моя надорванная кожа
слезает
лоскутами
дней...

Могила неизвестного поэта

По ком-то там страна слезу уронит,
Меня ж, похоже, на исходе лета,
Тихонечко, без помпы, похоронят,
В могиле Неизвестного Поэта...

А знаешь...

А знаешь, был не так уж страшен вечер,
Когда ты, попрощавшись и простив,
Ушла, как сон, своей судьбе навстречу,
Опалом глаз меня перекрестив...

А я остался – ни любви, ни счастья,
Глаза в глаза смотрел на твой портрет,
И грозное, хмурое ненастье
Метлою ливня твой смывало след...

Всё, как сейчас – не самый страшный вечер...
Всего лишь – тишина и миражи...
И две стены – до хруста! – сжали плечи...
И эхо мои стоны сторожит...

Омут

Как упоителен твой взгляд!
Глаза в глаза – глазей, глазей!
Зелёно-синий, сладкий яд
Убьёт мечты, убьёт друзей...

И мы их вместе отпоём...
Руками шеи обовьём,
И в этот омут, водоём,
До дна!
Вдвоём...
Вдвоём...
Вдвоём...

Язык

Варяги, вороги, вериги –
Какой мистический язык!
В какие вящие интриги
Он так играючи проник!

Ну как, скажите мне на милость,
Всего в три слова уложить
Все то, что с Русью приключилось
И с чем приходится нам жить?

Ну как иначе? Целой книги
Три слова стоят... Как велик
– Варяги – Вороги – Вериги!
Наш, Богом избранный, язык...

Штормит

Душа, как море – иногда штормит
Волнение порождено словами
И волны больно бьются о гранит
Лохматыми, седыми головами

Не уставая. Все им нипочем
Без устали друг друга погоняя
То головой, то грудью, то плечом
На скользкий берег брызги строк роняя....

ОБМЫЛОК

На сердце – ни легко, ни тяжело
Не ноет перебитое крыло,
Не плачет скрипка на чужом балконе
Не плачут лики на седой иконе

«Костлявая» не дышит мне в затылок
Не лезет под ногу задиристый обмылок
Глаза не режет от густого дыма
Лишь струйкой дыма жизнь проходит мимо...

На сердце – ни легко, ни тяжело
На крыше снова шифер сорвало
Но что мне этот слякотный пустяк
Когда на сердце – серый полумрак...

Орбиты

Ну что поделать, если лбы
О стены в кровь разбиты?
Бейсбольной битой судьбы
Разведены орбиты
И без тебя проходит жизнь,
До станции конечной
И нам, похоже, не сойтись
Ну, разве что на встречной...

Не судьба

На мой последний хрип,
На мой последний стон,
На мой последний всхлип –
Come on! Come on! Come on!

Был короток мой век,
И взлёт был невысок...
Не удался разбег
Носок –
– в песок...

Истрачен весь запал
И порох отсырел...
Я не на то запал
И не туда смотрел...

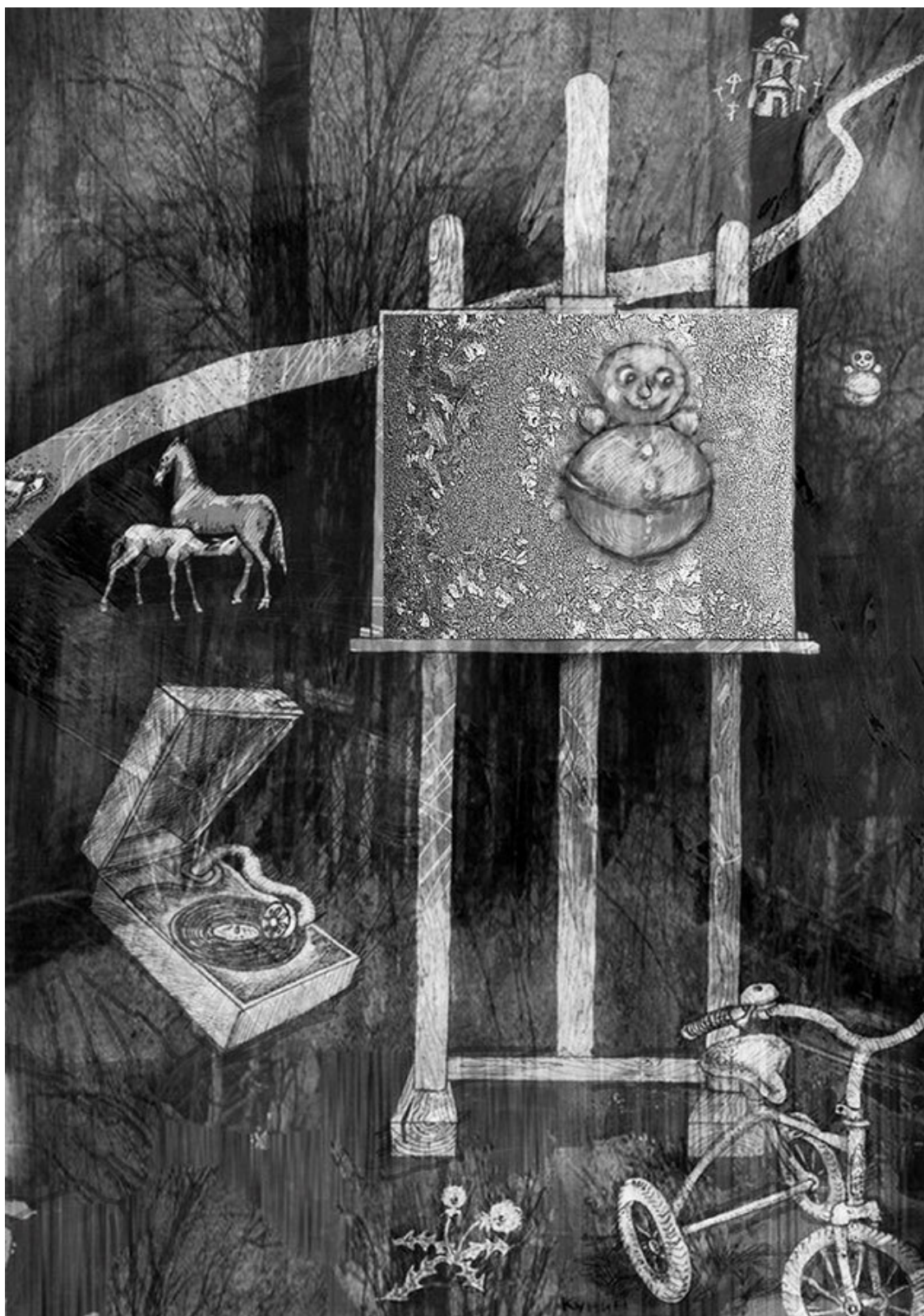
Не тем кричал: – «Держись!»,
И руки жал – не те...
И провисел всю жизнь
Не на своём кресте...

Не подлость, не навет,
Не злая ворожба...
Не чей-то злой совет,
А просто – не судьба...

Золото слез

Золото слёз отзвенит в тишине,
Мир, умирая, поплачет по мне,
И сложат поэты, скупые на лесть,
Скорбную оду в мою... Не прочесть
Мне эту оду... Ну что же... Ну что же...
Мир, мы ведь были с тобою похожи!
Ты был нелеп, суетлив, суматошен...
Я? Да всё то же! Плюс – неосторожен,
Неосмотрителен, неотморожен,
И так же, как ты – усложнён, но не сложен.

Мне – приговор, и тебе – приговор...
Время бежит, как удачливый вор,
В мешке унося и года, и надежды,
И первой любви золотые одежды...
А мир подчиняется времени бегу
И катит, и катит пустую телегу

Вдаль, по ухабам осад и сражений,
Мелких побед и больших поражений...

Осиновый кол

Обойдя все ухабы, объехав все ямы и кочки,
На последнем дыханье сумев заползти в эпилог,
Я на чистом листе порасставлю все строчки и точки –
Только дат не поставлю, как вечности странный залог...

Ничего не случится, когда ослабевшие руки
Вдруг уронят перо, и чернильницы высохнет дно...
Жизнь меня обрекла на усталость, тоску и разлуки –
Смерть подарит свободу, признание, но...

Но мне всё-таки грустно, мне всё-таки жаль расставаться
С тёплым ветром июльским и чистым осенним дождём,
И мне кажется, стоит признать и признаться –
Мы не ждём избавленья, и даже свободы – не ждём...

Кто-то Глюка сыграет на флейте, а кто-то на скрипке – Вивальди,
Ну а кто-то загонит мне в сердце осиновый кол...
И я вспомню того, кто, рисуя цветы на асфальте,
Ничего не искал, но, как будто бы, что-то нашёл...

Ночь

Ночь...
То есть не то, чтобы ночь,
а просто – космический мрак.
Звезды уносятся прочь.
В даль. В бесконечность. Как
искрящая мошкара
в вихрях кильватерных струй.
Кто-то сказал вчера –
– "Веруй, но не воруй
веры у дурака.
А запашок носка
лучше, чем розы дым,
если – твоя нога,
а роза – пахнет другим".

А роза, и вправду – не мне
пахнет, сводя с ума.
Но сводит, что странно – меня...
Плакать, судьбу кляня,
Глупо – полна сума
Пряников и камней...
Может быть, ей помочь
И сделать пошире шаг?
Но...

Длится и длится ночь...
То есть не ночь, а – так,

просто – кармический шок,
вязкий, полуночный бред,
да черных небес мешок
наголову надет...

День метельный

День метельный,
бред постельный,
синих вспышек маета.
Крест нательный,
стон свирельный,
да сухой удар хлыста.

По спине – до самых почек!
По мозгам – до глубины!
До невысказанных строчек...
До непризнанной вины...

Душа наивного...

Душа наивного, но дерзкого поэта!
Ты пила черными губами вождельня
безумия серебряную воду –
– тебя тошнило розовой тоскою!

Не слушали пылающие уши
Горящих твоих щек увещеванья.
И сердце билось, словно птицы крылья,
И разбивалось, как хрустальный идол...

Ты плачешь над разбившимся? Как глупо...
Стекло души лишь на морозе хрупко!
А кто-нибудь подышит на осколки,
И сердце вновь забьется меж ладоней...

Проверка

Это тоже, похоже, проверка –
Приоткрытая дверка судьбы
Пропускает на свет недомерка,
Мы же чешем разбитые лбы...

Нам, нормальным, туда не протиснуть
Высоту, ширину и объём
Своей, в общем-то, будничной жизни,
За которую бьёмся и пьём...

Но, обиду поглубже запрятав,
Мы не станем совсем раскисать.
Под корявой корой вариантов
Мы сумеем ещё написать

Незатейливо-ровную фразу,
От которой – мурашки по коже:
– «Ничего, что случилось не сразу...
Мы ведь знали, что мы это – можем!»

Бисер

Дела минувших дней,
Стихи минувших лет..
И как не жаль свиней,
А бисера – уж нет

И что им не глаголь,

Всё будет невпопад.
На языке – мозоль,
А пред глазами – зад.

У каждого – свой час
У каждого – свой крест
И что-то тянет нас
На трон... И на насест.

.

Усталому – вожжа
Великому – труба
И тянем, чуть дыша,
До гроба и горба

Любому – поделом
По бисеру – и крест
И как ни жаль свиней,
А кто-нибудь их съест

Хотелось – ишь, каков!
Салютов и огней,
Не сорванных подков,
Не загнанных коней

И чтобы – до небес!
И чтобы – Бог судья!
Но кто-нибудь их съест
Да, может быть, и я....

Свидетельство о смерти

Ни паствы нет, ни поднятого флага
ни череды трофеев на стене
И только лишь гербовая бумага
Когда-нибудь напомнит обо мне.

В каком-нибудь зачуханном конверте
Преодолев десятки зим и лет
Банальное «Свидетельство о смерти»
Окажется на чьём-нибудь столе

И мой праправнук, почесав животик
Подумает – "вот чёрт, как жил давно"
Свернёт его в бумажный самолётик
И выпустит в открытое окно...

Все реальнее

Все реальнее, чем мы представляем...
Все рельефнее, чем прыщик на "фейсе" ...
Мы гуляем, мы долги обнуляем...
Мы стараемся... Ну что ты, не смейся!

Это правда, если помнить о главном...
Человечество – не вымысел Фрейда...
Впереди – еще множество дней, да...
Да и ночи – ты да я – пополам нам...

Ты права, и я, конечно – зануда...
Это плохо, но, увы, – неизменно...
Улыбается прибой белопенно...
Так чудесно ожидание чуда...

Все прозрачнее, чем стекла трамвая...
Все аморфнее, чем пальцы на горле...
Все реальнее... Но мы – забываем...
Черным ластиком ночей мы все стерли...

Можно всё

Можно петь, можно пить, можно девок любить,
Можно пальцем в носу ковырять...
Можно Гордиев узел шутя разрубить –
Ничего, жизнь завяжет опять.

Можно выпить до дна, можно спеть до конца
Хоть никто, может быть, не услышит...
Можно даже послать восемь граммов свинца
Под свою непутёвую крышу...

Можно всё... Даже жить... Даже жить, и не пить...
Даже жить и не петь... Даже жить, и любить...
Только как это, Господи, сложно –
Не любить ничего, что мне можно...

Пена

Колючий и ничей
Не принятый нигде
Я – пальцами в ручей
И пеной по воде

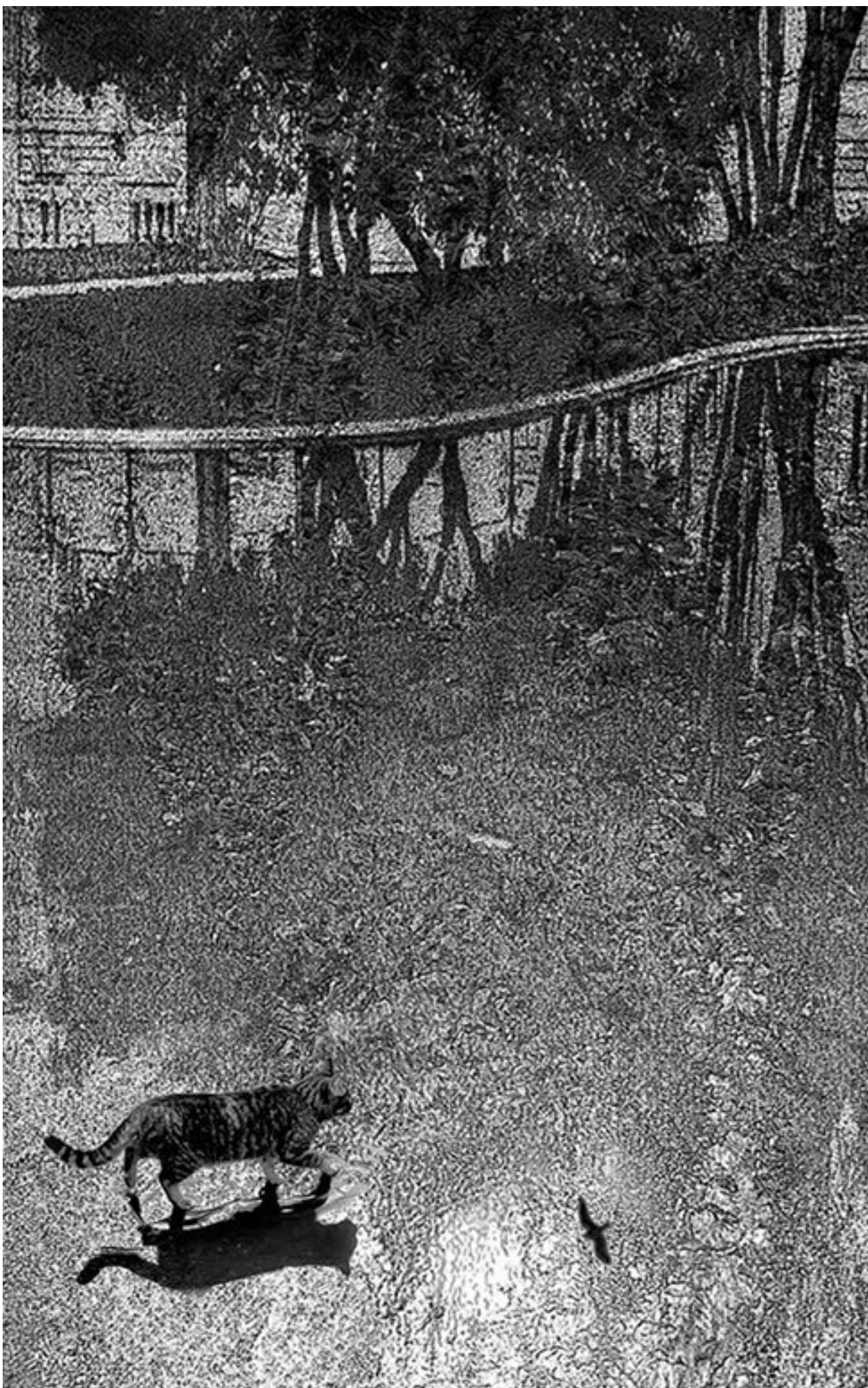
Сам черт не разберет –
Навыорот и враз
По глади хладных вод
Лишь пена глупых фраз....

Имя на похоронке

Она не пишет стихов длинной-длинной строчкой
Ещё не знает, что рвётся именно там, где тонко,
И выглядит неприкаянной одиночкой -
Тревожной, нервной, чуткой, как сон зайчонка.

Её улыбке завидует Шерон Стоун,
А не завидует, так просто грустит в сторонке.
И кажется, я пожизненно арестован...
И кажется, моё имя на похоронке...

Июль мой жаркий, встреться с её апрелем
Насупил брови, туч понагнал с востока
И молнии, не разбирая целей
С небес ударили весело и жестоко

А после гроз всегда остаются лужи
И небо в них дробится под сапогами.
У нас такая с ней намечалась дружба!
Да я своей любовью всё испоганил...

Байстрюки

Я напишу ещё один стишок,
Я сделаю ещё одно признание,
Затем засуну голову в мешок
Молчанья...

Но разбредутся по большой планете
Поэта онемевшего стихи –
Глухой моей тоски слепые дети,
Немой моей печали байстрюки...

Проза

Зал ожидания (отрывок недописанной повести)

– Ну, за астрономию! – на правах главного спонсора произнёс первый тост Иван Андреевич, слегка копируя при этом интонации известного телегероя, и быстро опрокинул до пупа налитый стакан. На поминках пьют не чокаясь, хотя вряд ли кто-нибудь из сидящих вокруг с такими же стаканами понял, что это именно поминки. Но, в самых общих чертах посвященные в историю своего соседа по палате, они почувствовали, что тут не так-то всё просто, что за фасадом шутки спрятаны развалины чего-то важного, глубоко личного, и так же молча, сосредоточенно запрокинули свои, окаменевшие на миг, лица...

Четырёхместная палата замерла на секунду, привычно оценивая прозрачность ауры, только что плескавшейся в стаканах, и дружно потянулась к разложенной на тумбочке И. А. закуске, предварительно снесённой сюда всеми участниками мероприятия. Щедрые дары ранней осени захрустели на зубах, разом перебив резковатый дух сорокаградусной, стеклянная тюрьма которой сразу же была задвинута за ту же тумбочку – от греха, как говорится, подальше.

– Эх, хороша! – привычно выдохнул кто-то хвастливую водочную саморекламу, и хрустевшее зелёным луком молчание лопнуло, как воздушный пузырь поднятой со дна глубоководной рыбы, и рваными лоскутами забилося под железные больничные койки. Все заговорили разом, перебивая и недослушивая друг друга, посыпались стандартные застольные прибаутки; грубоватый мужской смех, приглушённый кляпом конспирации, наполнил тесное пространство унылой больничной кельи, и Ивану Андреевичу вдруг показалось, что всё самое лучшее у него ещё впереди. Жизнь наладится потихоньку, подслеповатый правый глаз, поддавшись стараниям опытных эскулапов, обретёт прежнюю зоркость, чёрное пепелище подернется зеленоватой дымкой торжествующей жизни и белая, ослепительно-белая, чистая полоса придёт на смену только что пройденной – чёрной, словно сажевое нутро сентябрьской ночи...

Черты этого будущего, пусть и очень размыто, стали проглядывать уже сейчас. И они очень напоминали нежные, прекрасные черты практикантки Оленьки, третьекурсницы местного мединститута, несколько раз в неделю, во время дневных дежурств, чарующей весь мужской контингент их травматологического отделения. Вообще-то, Ивана Андреевича, с его обожженной сетчаткой, следовало бы положить в более специализированную больницу, но таких не было в радиусе доброй сотни километров, а потому, трезво рассудив, что это тоже травма, его и определили в обычную городскую травматологию. Поначалу это сильно нервировало И. А., ибо давало формальный повод усомниться в компетентности местных врачей, но глаз потихоньку прозревал, переставал слезиться на свету, и только небольшая резь и расплывчатость напоминали ему теперь о собственной неудачной попытке «покинуть Землю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.